

И. Н. ХЛОПИН

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭТНИЧЕСКОГО ОБЛИКА РАННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

(По материалам ЮТАКЭ 1956—1957 гг.)

Разнообразные памятники древнего искусства, находимые в большом количестве при археологических раскопках, неоднократно служили надежным материалом для раскрытия различных сторон материальной и духовной жизни древних обществ. В частности, изучение отдельных видов терракотовой скульптуры имеет немаловажное значение для воссоздания некоторых этнических и этнографических черт древнего населения.

В 1956 г. при раскопках верхнего слоя древнеземледельческого поселения Кара-депе¹ у железнодорожной станции Артык (90 км восточнее Ашхабада) найдены две терракотовые головки, выполненные реалистической манере. Первая из них (рис. 1) представляет собой голову статуэтки «воина» высотой вместе с шеей 3,5 см (вся статуэтка была, видимо, около 13—15 см высотой). Лицо имеет слегка удлинённые пропорции, покаты́й лоб, крупный нос, небольшой рот, миндалевидные глаза, разлетающиеся брови. Глаза выполнены в очень своеобразной манере: зрачок в виде выпуклой круглой лепешечки окружён миндалевидным валиком, очерчивающим границы глаза. От слабо выступающего подбородка спускается длинная узкая борода, разделённая на две пряди. Ушные раковины небольшие, сделаны налепом. Голову и верхнюю часть шеи покрывает шлем (см. рис. 3, 9). От висков спускаются на щеки две пластины, доходящие до нижней челюсти. Поверх шлема наложен окружающий его валик; передняя часть шлема от валика до лба прорезана вертикальной бороздкой. От темени назад и вниз на шею спускается длинная коса, прикрепленная к шлему в виде султана.

При расширении работ по вскрытию верхнего слоя поселения Кара-депе в 1957 г. найдена целая мужская статуэтка из обожжённой глины высотой в 15 см, которая позволяет лучше представить себе общий облик упомянутой статуэтки «воина». Голова этой второй статуэтки увенчана невысокой цилиндрической шапочкой (тиарой), от которой спускается длинная, сделанная налепом, коса. Борода разделена на две пряди; руки в виде отростков доведены до локтя²; вместо ног сделана расширяющаяся книзу круглая подставка (рис. 2).

¹ См. В. М. Массон, Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана в их связи с Ираном и Индией, «Вестник древней истории», 1957, № 1, стр. 43—44 и рис. 5, 1, 2.

² Весьма вероятно, что торс мраморной статуэтки с Намазга-депе («Труды ЮТАКЭ», VII, стр. 289, рис. 43) принадлежал изображению не женского, а мужского божества, так как очень напоминает описанную статуэтку.

Рис. 1. Головка «воинна» из Кара-депе

Стиль этой статуэтки и такие детали, как наличие бороды, косы и головного убора, ставят ее в один ряд со статуэткой «воина». Трактровка рук имеет свои корни в местной пластике. Обе эти статуэтки могли быть изготовлены местными мастерами. Однако подобного рода статуэтки с аналогично трактованной нижней частью известны в передневносточной пластике. Они были найдены при раскопках в Месопотамии (Урук) и на соседних территориях, например в Кархемише³.

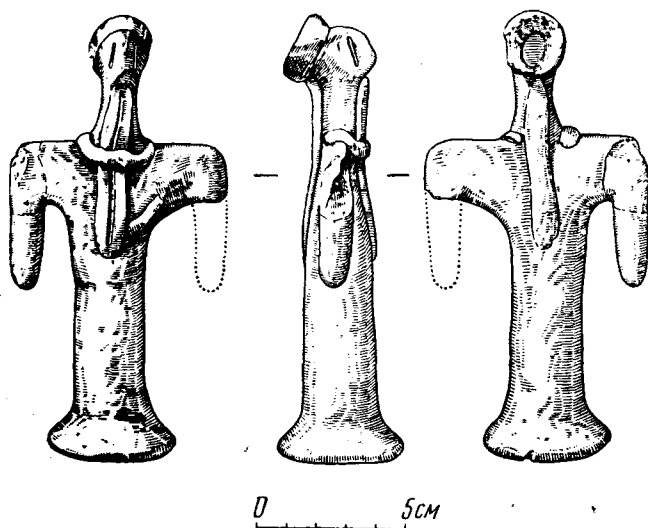

Рис. 2. Терракотовая статуэтка из верхнего слоя Кара-депе

По своему внешнему облику головка «воинна» с Кара-депе напоминает древние произведения искусства Южной Месопотамии и Элама. Это прежде всего относится к покрывающему ее шлему. Шлемы Месопотамии первой половины и середины III тысячелетия до н. э. довольно хо-

³ L. Woolley, The Iron-age graves of Carchemish, «Annals of Archaeology and Anthropology», Liverpool, т. XXXVI, 1939, табл. XVIII, а. 2—3 (датируются временем после 200 г. до н. э.); его же, Carchemish, ч. III, 1952, стр. 257—258, табл. 70.

рошо известны. К ним в первую очередь относится коллекция шлемов из царских гробниц Ура, датируемых XXVI в. до н. э. Золотой шлем царя Мескаламдуга⁴, один из шедевров ювелирного искусства Древнего Востока, повторяет прическу мужчины. Волосы расчесаны на прямой пресбор и охвачены широкой плетеной лентой (возможно — диадемой), повязанной вокруг головы сзади они собраны в узел. Облегающий голову шлем покрывает затылок вплоть до шеи и имеет боковые пластины, обрамляющие лицо и закрывающие уши. В шлеме выкованы ушные раковины, места которых соответствуют действительному положению ушей на голове; в них, очевидно для лучшей слышимости проделаны отверстия (рис. 3, 1). Г. Чайлд считает, что это парик. Это мнение опровергается известной «стелой коршунов»⁶. На ней царь Лагаша Эаннатум (XXV в. до н. э.) изображен, несомненно в боевой обстановке; его голову покрывает шлем такой же в сущности формы, как и шлем Мескаламдуга: со жгутом вокруг головы, узлом на затылке и ушами, выкованными на боковых пластинах (рис. 3, 4).

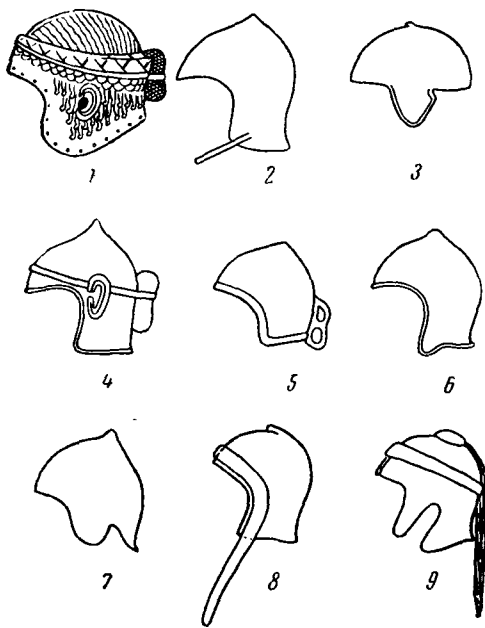

Рис. 3. Древневосточные шлемы: 1 — шлем Мескаламдуга; 2 — изображение шлема на «штандарте» из гробницы Шубад; 3 — шлем воина из гробницы Шубад; 4 — шлем Эаннатума со «стелы коршунов»; 5 — изображение шлема на инкрустации из царских гробниц Ура; 6 — шлем воина со «стелы коршунов»; 7 — шлем воина со стелы Нарамсина; 8 — шлем воина с сузского барельефа; 9 — шлем «воина» из Кара-депе

Аналогичный по форме шлем с узлом сзади, но без повязки вокруг головы, изображен на одной инкрустации из царских гробниц Ура (рис. 3, 5) датируемой тем же временем.⁷ Шлемы рядовых воинов были проще и, возможно, изготовлялись не всегда из металла, а например, из кожи. У воинов, погребенных вместе с царицей Шубад, на черепках найдены остатки медных шлемов облегающей формы со слегка опущенной лобной и затылочной частью и вытянутыми височными пластинами для защиты ушей (рис. 3, 3). У некоторых из них были серебряные пластины вместо подбородных ремней⁸. Форма шлема воинов-оруженных шумеров на «штандарте» из той же гробницы⁹ и воинов на «стеле коршунов» (рис. 3, 2 и 6) несколько отлична.

Г. Бонне полагает, что у Эаннатума ушные раковины открыты. По его мнению, в шлемах подобной конструкции проделывались специальные отверстия для ушей, вследствие чего они оставались незащищенными. Узел сзади шлема он рассматривает как приспособление для защиты ушей: в бою этот узел, по его мнению, надвигался на уши

⁴ L. Woolley, *Ur Excavations*, т. II, *The Royal Cemetery*, табл. 150.

⁵ Г. Чайлд, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, М., 1956, стр. 254. Можно согласиться лишь с тем, что это не боевой, а парадный шлем.

⁶ E. de Sargac, *Découvertes en Chaldée*, 1912, табл. 3-bis.

⁷ L. Woolley, *Excavations at Ur 1928—29*, «*The Antiquaries Journal*», II табл. XXVIII, 3.

⁸ L. Woolley, *Ur Excavations*, табл. 66, 218.

⁹ Там же, табл. 92.

закрывал их¹⁰. Безусловно, Г. Бонне, не зная еще шлема Мескаламдуга, ошибался, и мы можем с полным основанием считать шлемы Эаннатума и Мескаламдуга идентичными. Очевидно, шлемы вождей и раннединастических царей, изготовленные из драгоценных металлов с варварским великолепием, как правило, повторяли прическу и верхнюю часть головы того, кому принадлежали и за кем следовали в могилу. Шлемы же простых воинов не имеют такой высокохудожественной отделки, но за небольшим исключением относятся к той же группе.

Время бытования таких шлемов хорошо определяется по памятникам переднеазиатского искусства. По-видимому, их появление в Месопотамии, относящееся ко времени не ранее первых веков III тысячелетия до н. э., было связано с усилением имущественной дифференциации и выделением племенных вождей с «дружинами»; власть их была уже почти неограниченной. Одним из поздних по времени памятников, где встречается изображение подобных боевых наголовий, но уже с явной тенденцией в сторону их облегчения и уменьшения затылочной и боковых пластин (рис. 2, 7), является стела Нарамсина¹¹ (XXII в. до н. э.). Эта форма шлемов, согласно Г. Бонне¹², уже не типична для саргонидского времени, ибо они, как правило, не имеют закрытой затылочной части, соединенной с ушной пластиной. Иногда наушники совсем отсутствуют, и шлем имеет прямой нижний край, слегка опускающийся сзади. Исходя из этого, время широкого распространения шлемов древнего шумерского типа можно отнести к середине III тысячелетия до н. э.

Шлем, покрывающий голову «воина» из Кара-депе, имеет некоторые общие черты с шумерскими, но все же не может быть безоговорочно включен в их число. Низко опущенная затылочная пластина, валик поверх шлема и имитация пробора спереди сближают его с описанным выше типом однако совершенно иной вид боковых сторон, в которых между назатыльником и нащечниками сделаны широкие прорезы для пропуска ушных раковин, а также прикрепление к нему султана отличают шлем из Кара-депе от шумерских. Тем не менее этот тип шлема мог бытовать у племен, знакомых с шумерской культурой и, возможно, имевших столкновения с войсками шумерских правителей в III тысячелетии до н. э.

Этнический тип статуэтки «воина» имеет черты сходства и вместе с тем различия с шумерами. Последние нам хорошо известны по реалистической скульптуре: они имеют крупные носы и миндалевидные глаза с разлетающимися бровями; скульптура указывает на брахикранный тип, хотя среди антропологического материала, полученного в результате раскопок, обнаружено много долихоканных черепов. Но ни одна реалистическая скульптура не дает изображения человека с бородой, да еще такой длинной и столь подчеркнуто исполненной, какую мы видим у головы «воина»; шумеры гладко выбриты. Обычай повсеместного ношения бороды вводится в Шумере только со времени подчинения его семитическим аккадцам, у которых наличие густых бород составляло их этнографическую особенность¹³.

Таким образом, головка «воина» показывает близкий к шумерам этнический тип, но является в то же время изображением представителя иной этнической группы.

Во время археологических раскопок на территориях к востоку от Шумера, в первую очередь в Эламе (Сузы), найдено много терракотовой скульптуры и иных памятников, способных помочь в определении

¹⁰ H. Bonnet, *Die Waffen der Völker des Alten Orients*, Leipzig, 1926, стр. 201.

¹¹ «Mémoires de la Délégation en Perse» (в дальнейшем цит. MDP), т. I, табл. X, стр. 144 сл.; т. II, табл. XI, стр. 53 сл.

¹² H. Bonnet, *Указ. раб.*, стр. 202.

¹³ См. A. Parrot, *Les Fouilles de Mari*, «Syria», XVI, 1935; его же, *Les Fouilles de Mari*, 2-е Comp., «Syria», XVII, 1936.

Рис. 4. Бронзовый барельеф из Суз (деталь)

этнического типа, к которому мог бы относиться ближе, чем к шумерам «воин» из Кара-депе.

В траншеях, которыми Ж. де-Морган прорезал Сузскую цитадель, найдено большое количество мелкой терракотовой пластики, некоторые экземпляры которой могут, как нам кажется, отразить основные этнические черты людей, населявших город. Эти статуэтки найдены в слоях датированных Ж. де-Морганом временем правления эламских царей Шутрук-Наххунте I и его сына Шильхак-Иншушинака, т. е. первой половиной XII в. до н. э. Несмотря на эту сравнительно позднюю дату можно предполагать, что эти реалистично выполненные фигурки людей имеющие, по-видимому, не столько религиозный, сколько «светский» характер, в какой-то степени отражают основные этнические и этнографические черты древних эламитян, к тому времени уже в сильно степени подвергшихся воздействию аккадской культуры. При рассмотрении этих статуэток перед нами предстают мужчины с длинным, не очень широкими бородами и крупными выступающими носами. И головы покрыты шапками в основном двух типов: высокие, конические, округлые, с валиком по нижнему краю, близкие по типу к аккадским¹⁴ и низкие, облегающие голову¹⁵, сходные с теми, которые надеты на пленниках, изображенных на скальном рельефе царя Анубанин (XXII в. до н. э.)¹⁶.

Там же в Сузах, наряду с произведениями искусства, вывезенными из городов Шумера, был найден обломок бронзового барельефа, определенно Ж. де-Морганом как «подлинно эламитское произведение искусства»¹⁷. Он покрыт надписями на эламском языке, посвященными постройке храма в честь различных эламских божеств. В средней его части, чередуясь с упомянутыми надписями, размещены семь мужских

¹⁴ MDP, т. I, стр. 130—131, табл. VIII, 6, 8, 14.

¹⁵ Там же, табл. VIII, 11, 19.

¹⁶ J. de Morgan, Mission Scientifique en Perse, Paris, 1896, т. IV, ч. 1, стр. 161—165, рис. 143.

¹⁷ MDP, т. I, табл. XIII, стр. 163—164.

фигур (рис. 4). Они изображены в характерной передневосточной манере: головы и ноги вместе с нижней частью торса показаны в профиль, а грудь и плечи развернуты в фас. Левая рука опущена вниз и держит, по мнению Ж. де-Моргана, лук; правая, с широким кинжалом, поднята над головой. Эти воины облачены в одежды длиной до колен, с короткими рукавами (возможно, панцири), перехваченные в талии широким поясом, напоминающим по форме закавказские бронзовые пояса более позднего времени. Голова покрыта шлемом (рис. 2, 8), по внешнему виду и типу несколько отличным от шумерского. Он облегает голову и имеет на лобной части валик, который от висков переходит в длинные пластины, спускающиеся на грудь¹⁸. «Пластины» и валик были изготовлены, вероятно, из какого-то мягкого материала; в противном случае они делали бы невозможным поворот головы. Из-под шлема выбивается длинная коса, конец которой свешивается ниже предплечья поднятой правой руки. Лица воинов сохранились хуже, однако видно, что на грудь спускается длинная борода и у них крупный нос¹⁹.

По-видимому, эти этнографические черты были характерны для населения, обитавшего к востоку от Шумера, в Эламе и Загросских горах, во второй половине III тысячелетия до н. э. Поскольку известно, что эти территории в указанное время были населены племенами эламитян, касситов, гутиев и луллубеев²⁰, можно считать, что ношение бороды было в обычае хотя бы у части этих племен (см., например, изображение луллубеев на стеле Нарамсина). Более того, по свидетельству одного вавилонского текста, луллубеи имели «воронообразное лицо»²¹. Это может свидетельствовать о том, что луллубеи, а по-видимому, и другие родственные им племена загро-эламской группы, могут быть отнесены к представителям арменоидного антропологического типа. Возможно, что, кроме бород, в обычае некоторых из этих племен, в частности луллубеев, было носить косы²²; тогда легко объяснимо наличие косы у эламитян, изображенных на бронзовом барельефе из Суз²³.

С названными племенами шумеры имели постоянные военные столкновения, в результате которых в среду этих племен проникали более совершенные образцы военного снаряжения того времени. Восприняв многое от шумеров, их восточные соседи могли перенять также и шумерскую манеру имитировать на шлемах свои прически.

Поскольку в настоящее время трудно установить восточные границы расселения луллубеев, касситов и других племен, к которым к востоку и северо-востоку могли примыкать родственные им племенные группы, не упоминаемые в месопотамских письменных источниках, можно думать, что голова статуэтки «воина» из верхнего слоя Кара-депе отражает этнический тип и военный наряд представителя одного из этих племен, существовавших около середины III тысячелетия до н. э.

¹⁸ Ж. де-Морган, описывая эти фигуры (MDP, т. I, стр. 163—164), считает, что их головы украшает не шлем, а своеобразная прическа, к которой сади и с боков подвешены три длинные косы. Это сомнительно, так как перед нами изображения вооруженных людей и естественно полагать, что их головы покрыты шлемами.

¹⁹ Датировка этого барельефа пока не поддается точному определению. Он может принадлежать как ко времени Шутрук-Наххунте I, так и к значительно более раннему, особенно, если учесть любовь Шутрука к «коллекционированию» древних памятников искусства.

²⁰ И. М. Дьяконов, История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э., М.—Л., 1956, стр. 98—121; Г. А. Меликишвили, Наири-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 118—119.

²¹ Г. А. Меликишвили, Указ. раб., стр. 128.

²² Луллубеи с косами изображены на стеле Нарамсина, но из-за плохой сохранности памятника трудно установить, надеты ли на них шлемы. По-видимому, нет, ибо поверженных врагов принято было изображать нагими.

²³ Принято считать, что луллубеи родственны эламитянам. См. И. М. Дьяконов, Указ. раб., стр. 101.

*
*
*

Вторая найденная головка (рис. 5) принадлежит, по-видимому, также мужской статуэтке и имеет в высоту 4,5 см (вся статуэтка была видимо, высотой около 18—20 см). Голова короткая, уплощенная сверху, с узким, почти отсутствующим лбом: овал лица широкий, но крупный и сильно выступающий, подбородок выражен слабо. Глаз

Рис. 5. Головка с росписью из Кара-депе

и рот изображены широкими продавленными бороздками; ушные раковины наклепные и сильно отставлены назад, а ушные отверстия глубоки проколоты. Коричневой краской покрыты затылочная и теменная часть головы, разлетающиеся брови, глаза и часть плеча; краска, покрывающая голову и брови, изображает, по-видимому, волосы.

Головки от статуэток, подобные этой, широко известны в Южной Туркмении, особенно в восточной области распространения культуры древних земледельцев, в долине р. Теджена. Среди находок на Геоксюр они представлены богатой коллекцией, относящейся ко времени позднего Намазга II — раннего Намазга III. Существование их сравнительно продолжительное время на большой и вполне определенной в культурном отношении территории может указывать на давнюю и прочно существовавшую местную художественную традицию. Можно полагать, что мелкая реалистическая терракотовая пластика из Южной Туркмении воспроизводит наиболее общие и наиболее характерные этнические черты древнего земледельческого населения, обитавшего на этой территории в IV—III тысячелетиях до н. э.

Хорошо прослеживаемая местная традиция во второй из найденных головок исключает возможность считать ее привозной из районов находящихся за пределами предгорий Копет-дага, но и у нее имеются аналогии в памятниках искусства Южной Месопотамии III тысячелетия до н. э., относящихся к III раннединастическому периоду. Мы находим похожее изображение человеческой головы на «военной» стороне «штандарта» из царских гробниц Ура (рис. 6, 1). Если вооруженные пешие воины и колесничие должны по логике вещей изображать (и, видимо, действительно изображают) шумеров — жителей Ура, то по ногам лошадей, несомненно, показаны их поверженные враги. Кт

ти враги, победа над которыми изображена на «штандарте»; с определенностью сказать трудно. Судя по тому, что военные столкновения шумеров искони велись с восточными соседями, под ногами лошадей могли быть изображены именно они. Однако, исходя из географического положения Ура, более вероятно предположить, что на «штандарте» показана схватка между воинами Ура и какого-либо соседнего шумер-

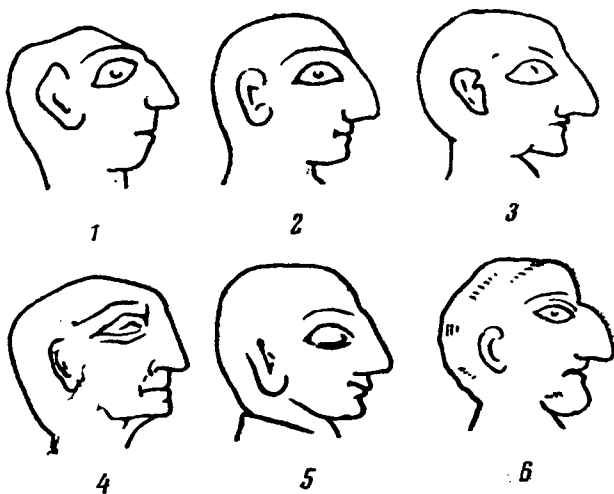

Рис. 6. Формы головы представителей населения Месопотамии (1—5) и северо-восточного Ирана (6)

кого города, тем более, что в середине III тысячелетия до н. э. шумеры вели между собой постоянные войны за гегемонию в Южной Месопотамии. Это предположение кажется более правдоподобным и потому, что на многих памятниках искусства (на «мирной» стороне того же «штандарта» (рис. 6, 2), на каменной палетке из царских гробниц Ура (рис. 6, 3)²⁴, на алебастровой вазе из Урука (рис. 6, 4)²⁵, на мозаичном фризе из Эль-Обейда (рис. 6, 5)²⁶ и других), на которых вряд ли изображены не-шумеры, головы людей с известным постоянством повторяют форму голов поверженных врагов Ура. По-видимому, здесь мы имеем не столько прочно установившуюся художественную традицию, сколько характеристику этнического типа шумеров: крупный нос, небольшой убегающий лоб, маленький подбородок и обритые голова и лицо. При всем том не исключается возможность искусственной деформации головы, в особенности у тех, которые на изображениях имеют резко уплощенную теменную часть, например на фризе из Эль-Обейда. Однако допустимо, что в этих изображениях отражены этнические черты более древнего населения, обитавшего на территории Южной Месопотамии до прихода шумеров. Отнесение этого населения на основании ряда топонимических названий (города Шуррупак, Лагаш, Киш, Ниппур и др.; реки Идигна — Тигр и Буранун — Ефрат) к племенам агро-эламской группы мы находим у ряда исследователей²⁷.

²⁴ L. Woolley, Ur Excavations, т. II, The Royal Cemetery, табл. 102, а.

²⁵ W. Andrae, The Story of Uruk, «Antiquity», X, № 38, 1936, табл. V. Датируется ок. 3000 г. до н. э.

²⁶ L. Woolley, Excavations at Tell-el-Obeid, «The Antiquaries Journal», IV, № 4, 1924, табл. XLII, а. Датируется ок. 2600 г. до н. э.

²⁷ Г. А. Меликишвили, Указ. раб., стр. 120; Г. Чайлд, Указ. раб., стр. 38; E. A. Speiser, Mesopotamian Origins, 1930, стр. 42, 99; J. Gelb Hurrians and Subarians, стр. 88.

Из северного Шумера происходит значительная коллекция терракотовых статуэток, собранная главным образом в городах, расположенных в нижнем течении р. Диалы, — в Тутубе (Хафадж)²⁸ и Эшнунни (Тель-Асмар)²⁹. Они двоякого вида: некоторые представляют обычных шумеров, а большая часть изображает мужчин с пышными прическами и бородами, которые составляют их главное отличие от предков и почти не встречаются в изобразительном искусстве южной части страны; одним из немногих исключений является каменный «пьедестал» с изображениями похожих фигур (с прическами, но без бород) из Лагаша³⁰.

Верховья и среднее течение Диалы, как принято считать в настоящее время, были заселены одним из загро-эламских племен, а именно — гуттиями³¹ или луллубеями³². Каким бы из этих родственны́х племен они заселены ни были, их обитание вблизи упомянутых шумерских городов не могло не наложить своего отпечатка на этнографический облик населения этих городов. Вероятно, там жили как шумеры, так и многочисленные выходцы из горных районов, которые не только сохраняли свои традиции и этнографические особенности, но и могли многие из них передавать шумерской части населения. Именно в этнографических характеристиках, а не в этническом типе, следует по-видимому, искать различия между жителями городов Южной Месопотамии и соседившими с ними с востока обитателями горных долин и предгорий Загра.

Если принять тезис о родстве населения шумерских городов и западных частей Иранского нагорья, если признать сходство внешнего облика шумеров и представителей многих племен восточной и северо-восточной периферии, вплоть до Южной Туркмении, — то все это может послужить еще одним аргументом в пользу неоднократно высказываемой в литературе гипотезы о северо-восточной прародине шумеров. Так, Л. Вулли полагает, что шумерский народ сложился из наслонившихся друг на друга трех компонентов: носителей обейдской культуры пришедших в долину с востока, представителей урукской культуры, появившихся с севера, и народа «Джемдет-Наср», происходящего также с востока³³; существенную роль в развитии культуры рассматриваемого населения в целом сыграл приход носителей северной урукской культуры. По-видимому, в этом вопросе более справедлива точка зрения Г. Чайльда, который не склонен приписывать этим пришельцам с севера столь крупные заслуги³⁴. И. М. Дьяконов в свою очередь полагает, что вышеназванные культуры (Эль-Обейд, Урук и Джемдет-Наср) являются последовательными этапами культуры одного народа³⁵.

Особенно интересны в этой связи последние изыскания С. Н. Крамера³⁶, который на основании исследованного и изданного им древнейшего клинописного поэтического эпоса склоняется в пользу помещения прародины шумеров в страну Аратта. Эту страну он локализует

²⁸ S. N. Kramer, The Sumerians, «Scientific American», октябрь 1957, стр. 8. Датированы ок. 2500 г. до н. э.

²⁹ S. Lloyd, Twin Rivers, Oxford, 1947, стр. 12—13. Датированы ок. 2800 до н. э.

³⁰ E. de Sargès, Указ. раб., табл. 47, 1.

³¹ S. N. Kramer, Указ. раб., стр. 73.

³² И. М. Дьяконов, Указ. раб., стр. 101; Г. А. Меликишвили, Указ. раб. стр. 124.

³³ Л. Вулли, Материалы трех глав 2-й части 1-го тома «Истории научного культурного развития человечества», «Вестник истории мировой культуры», 1957, № стр. 98—99.

³⁴ Г. Чайлд, Указ. раб., стр. 194—195.

³⁵ См. «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 1, стр. 162.

³⁶ S. N. Kramer, Enmerkar and the lord of Aratta, «Museum Monographs», Philadelphia, 1952; его же, The Sumerians, стр. 72.

районе оз. Урмии в Ларистане, откуда уже не так далеко до районов юго-восточного Прикаспия. Материальная культура племен, населявших эти районы в III—II тысячелетиях до н. э., известна по ряду поселений (Тепе-Гисар, Шах-тепе и др.) и по знаменитому кладу, найденному близ Астрабада³⁷. Совокупность всех найденных предметов позволяет датировать этот клад серединой II тысячелетия до н. э.; ряд вещей — медное оружие, каменные сосуды и статуэтки, золотые «рожки» — имеет сравнительно широкий круг аналогий не только в северо-восточном Иране, но и на территории Южной Туркмении (Дайна), что указывает на их местное изготовление. Золотой кубок из этого клада по его значению можно поставить в один ряд с шумерскими произведениями искусства, несмотря на хронологический разрыв. На нем изображены мужчина и женщина с головами, повернутыми в профиль, с крупными носами, миндалевидными глазами и отставленными назад ушными раковинами. Мужчина (рис. 6, б), кроме того, изображен с волосами на голове и небольшой бородой. Поскольку кубок, как и все прочие предметы, является, видимо, произведением местных мастеров, можно полагать, что гравированные на нем люди отражают основные этнические черты населения областей, примыкающих к юго-восточному углу Каспийского моря.

Если связать это изображение со свидетельством древнейшего шумерского эпоса, с одной стороны, сопоставить его с известными изображениями шумеров, — с другой, и с расписной терракотовой головкой из верхнего слоя Кара-депе, — с третьей, то станет очевидным, что поиски прародины шумеров в горных районах северо-восточного Ирана и отнесение их к родственным загро-эламской группе племенам переходит уже из области догадок и гипотез в область углубленного изучения конкретного археологического материала с этих территорий.

Как ни сложен и запутан вопрос о происхождении шумеров, можно утверждать, что в додинастическом Шумере происходило неоднократное пополнение населения главным образом со стороны территорий, заселенных загро-эламскими племенами. Уже одно это может указывать на известное родство последних и населения собственно Южной Месопотамии. Хотя для выяснения прародины шумеров современная наука имеет еще очень мало данных, однако, принимая во внимание результаты археологических раскопок в Южной Туркмении и намечающиеся культурные связи с Южной Месопотамией и соседними с ней областями, можно надеяться, что дальнейшие исследования могут внести свой вклад в разрешение этого вопроса.

Таким образом, обе терракотовые головки из Кара-депе отражают, по-видимому, один и тот же этнический тип, но представителей разных социальных групп, образование которых было, вероятно, связано со значительным усложнением родовой организации. Головка «война» и головка с росписью имеют определенный круг аналогий среди памятников искусства Южной Месопотамии и примыкающих к ней с востока и северо-востока территорий. Это может способствовать определению этнической и культурной характеристики племен, обитавших в горных и предгорных районах к востоку и северо-востоку от Шумера в III тысячелетии до н. э.

³⁷ M. Rostovtzeff. The Sumerian treasure of Astrabad, «The Journal of Egyptian Archaeology», VI, 1919.